

«ФИЛОСОФИЯ ПРАКТИКИ» А. ГРАМШИ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРЕДПОСЫЛКА КОНЦЕПЦИИ ДУХОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Н. П. Рагозин

Донецкий национальный технический университет

Реферат. *Статья посвящена анализу «философии практики» Антонио Грамши, которая представляет собой один из вариантов решения традиционной философской проблемы – проблемы единства теории и практики, непосредственно связанной с ключевыми дискуссионными вопросами современной социальной философии: соотношением объективного и субъективного, стихийного и сознательного моментов в истории, базиса и надстройки общества, теоретического и практически-духовного освоения действительности. «Философия практики», которую Грамши характеризует как «абсолютный историцизм», выступает теоретической предпосылкой его концепции духовного производства.*

Ключевые слова: *теория, практика, «абсолютный историцизм», субъективное, объективное, стихийное, сознательное, базис, надстройка.*

Жизнь и творчество А. Грамши в нашей литературе не раз становились предметом специальных исследований. В истории этих исследований можно выделить два этапа. Первый этап связан с публикацией в СССР в 1957-1959 гг. «Избранных произведений» А. Грамши в 3-х томах [1]. За этой публикацией последовали ряд исследований жизни и творчества итальянского мыслителя (например: Големба А. Грамши. – М.: «Молодая гвардия», 1968; Лебедев А. Антонио Грамши о культуре и искусстве. Идеи и темы «Тюремных тетрадей». Очерки. – М.: «Искусство», 1965; Лопухов Б.Р. Антонио Грамши. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963).

В третьем томе «Избранных произведений» Грамши были опубликованы «Тюремные тетради», однако эта публикация была неполной. Не в последнюю очередь неполнота данной публикации на русском языке объяснялась тем, что в этом произведении поднимались и ставились такие проблемы, которые «не вписывались» в официальный образ марксистской философии, установившийся в Советском Союзе.

Перевод «Тюремных тетрадей» опирался на текст оригинала, который был опубликован Туринским издательством *Эйнауди* в 1948-1951 гг. в шести томах. В этом издании рукописи «Тюремных тетрадей» были тематически сгруппированы редакторами, которые руководствовались отдельными заголовками, данными Грамши для своих заметок. Такой способ публикации не позволял проследить логику развития мысли Грамши, во-первых, потому, что не все заметки были снабжены заголовками, а, во-вторых, эти заголовки имели предварительный характер. Грамши предупреждал, что его конспекты прочитанного и набросанные заметки подлежат основательной переработке. Он писал: «Заметки в этой тетради, как и в других, писались наскоро, с тем чтобы сразу зафиксировать приходящие в голову мысли. Все они должны быть тщательно просмотрены и проверены, ибо наверняка в них есть неточности, ошибочные сопоставления, временные несоответствия. Поскольку упоминаемых в них книг не было под рукой, возможно, что в результате проверки придется внести существенные поправки – может оказаться правильным прямо противоположное тому, что написано» [2, с. 25].

В 1975 году под редакцией Валентино Герратана (Valentino Gerratana) было выпущено критическое издание «Тюремных тетрадей» [3] в 4-х томах со сквозной пагинацией. Первые три тома этого издания включали расположенные в

хронологической последовательности написания рукописи «Тюремных тетрадей», а четвертый том содержал критический аппарат, подготовленный издателями работ Грамши. Это издание позволяло исследователям творчества Грамши заглянуть в его лабораторию, проследить ход развития его мысли, ее поступательные и возвратные движения, выделить узловые проблемы, над разрешением которых она билась. В 1991 году в СССР была начата публикация русского перевода полного текста «Тюремных тетрадей», которая, к сожалению, остановилась на первом томе. В этом же году вышел в издательстве «Искусство» двухтомник избранных работ А. Грамши под названием «Искусство и политика», снабженный содержательной вступительной статьей К.М. Долгова и полезным справочным аппаратом.

В 80-90-е годы XX века у нас опять пробуждается интерес к изучению наследия А. Грамши, что было связано с ослаблением давления идеологического догматизма и поисками выхода из идейно-политического кризиса советского общества, который пыталась преодолеть официально объявленная перестройка. Появляется ряд работ, посвященных анализу отдельных взглядов А. Грамши (краткую библиографию их можно найти в обзорной статье М.Н. Грецкого [4]), выходит вышеупомянутое издание его работ, но всестороннего исследования творчества итальянского мыслителя в нашей литературе пока нет.

Иначе сложилась судьба наследия А. Грамши на Западе. Здесь его работы неоднократно издавались и на языке оригинала, и в переводах. Что касается исследований его творчества, то они проводились в контексте проблематики так называемого «западного марксизма», характерные особенности которого выделены в книге П. Андерсона [5]. Место А. Грамши в истории «западного марксизма» П. Андерсон определяет следующим образом: «Грамши был последним представителем марксистских мыслителей на Западе, поднимавшим жгучие вопросы классовой борьбы в своих работах. Однако и он ничего не писал о самой капиталистической экономике, если иметь в виду классический анализ законов развития этого способа производства. Западные марксисты более позднего периода также обходили молчанием политическую систему буржуазного правления и ничего не говорили о способах его ниспровержения. В результате западный марксизм в целом, когда дело касалось вопросов не метода, а содержания, всецело сосредоточивался на изучении надстройки» [5, с. 87]. И далее он пишет: «В целом деятельность Грамши была постоянно нацелена на изучение надстроечных объектов, но как никакой другой теоретик западного марксизма, он воспринимал самостоятельность и действенность культурной надстройки как *политическую* проблему, имеющую отношение к сохранению или свержению существующего социального порядка и заслуживающую теоретического осмысления именно с этой точки зрения» [5, с. 89]. П. Андерсон рассматривает А. Грамши как фигуру переходную от классического революционного марксизма к современному западному марксизму, далекому от практической политической борьбы классов и сфокусированному на изучении духовной надстройки общества.

В 2009 г. появилось обстоятельное исследование Питера Д. Томаса (Peter D. Thomas) «Грамшианский момент: философия, гегемония и марксизм», написанное в русле проблематики западного марксизма [6]. «Грамшианский момент» западного марксизма П. Томас рассматривает как альтернативу «альтюзсеррианскому моменту». Если Л. Альтюзсер предложил истолкование марксизма как системно-структурного анализа общества, в котором на первый план выдвинуты объективные системные механизмы развития общества, а роль субъективного фактора в истории общества сведена к минимуму, что привело его к выдвиганию тезиса о марксизме как «теоретическом антигуманизме», то А. Грамши понимает марксизм как «абсолютный историцизм» (или «абсолютный гуманизм истории» [см.: 2, с. 134, 191]), в котором роль субъективного фактора (классов, партий, интеллигенции, масс, сознания) играет

не менее важную роль в истории, чем объективные законы развития общества. Согласно такому ракурсу анализа концепции Грамши в книге П. Томаса в центре внимания оказывается его категория «гегемония», которая выступает понятием, выражающим содержание процессов, происходящих и в духовной, и в политической жизни общества.

Анализ философской концепции А. Грамши труден в силу нескольких причин. Во-первых, потому, что мы имеем здесь дело с концепцией, пребывающей в состоянии становления, и, следовательно, было бы большой ошибкой трактовать его концепцию как завершенную систему взглядов. Сам А. Грамши в «Тюремных тетрадах» неоднократно предупреждал, что соображения, высказанные в его заметках, подлежат дальнейшей проверке, уточнению, исправлению и пересмотру. Во-вторых, в силу того, что свои взгляды он выражал с оглядкой на тюремную цензуру, а потому был вынужден использовать различные способы камуфляжа своих мыслей. Третья причина заключается в том, что философская терминология Грамши отличается от принятой в разных школах и направлениях философии.

Однако, все эти сложности анализа философских взглядов Грамши преодолимы, если не упускать из виду, что все его мысли направлены на поиск путей революционного, практического преобразования действительности, на построение справедливого, свободного от эксплуатации общества.

Известно, что Грамши свои философские воззрения в «Тюремных тетрадах» называет «философией практики». Как отмечают некоторые исследователи, Грамши так называет марксизм не только для того, чтобы скрыть от тюремной цензуры предмет своих размышлений и занятий, но и по иным причинам. В чем они заключаются? Это связано с тем, что Грамши фактически разрабатывает особую версию марксистской философии, непосредственно противостоящую не только тем течениям в марксизме, которые обозначились на рубеже XIX-XX столетий, но и отличающуюся от понимания марксистской философии самими Марксом, Энгельсом и Лениным.

На рубеже XIX-XX столетий марксистская философия, согласно Грамши, «претерпела двойную ревизию», суть которой состоит в следующем: «С одной стороны, некоторые ее элементы, в явном или скрытом виде, вошли как составные части в некоторые идеалистические течения (достаточно назвать философские концепции Кроче, Джентиле, Сореля, того же Бергсона, прагматизм); с другой стороны, так называемые ортодоксы, озабоченные тем, чтобы найти философию, которая была бы в соответствии с их очень ограниченной точкой зрения чем-то большим, нежели «просто» истолкование истории, в основном отождествили ее с традиционным материализмом. Другое течение вернулось к кантианству...» [2, с. 107]. Таким образом, марксистская философия оказалась либо перетолкованной в идеалистическом духе (Б. Кроче и другие философы-идеалисты, а также катедер-социализм), либо отождествленной с традиционным материализмом (Г. Плеханов).

По своему культурно-историческому смыслу это были разные ревизии. Первая ревизия была делом «чистых» интеллигентов, авторов «распространенных идеологий господствующих классов», которые использовали элементы марксистской философии для того, чтобы «подпереть свои концепции и сдобрить чрезмерное спекулятивное философствование историцистским реализмом новой теории, для того чтобы пополнить новым оружием арсенал социальной группы». Вторая ревизия была осуществлена такими «лицами из интеллигенции, которые более решительно посвятили себя практической деятельности и, следовательно, были больше связаны (...) с широкими народными массами». Представители ортодоксальной тенденции для борьбы «с наиболее распространенной в широких народных массах идеологией – религиозным трансцендентализмом» воспользовались «грубым и банальным материализмом», который, по словам Грамши, «также был одним из немаловажных

наслоений обыденного сознания, наслоением, существование которого поддерживалось – в гораздо большей степени, чем это полагали и полагают – самой религией, принимающей в народе свое пошлое и низменное обличье суеверия и колдовства, в котором материя выполняет немалую роль» [2, с. 107].

Между тем, как полагает Грамши, марксизм находится выше противоположности материализма-идеализма и не нуждается в дополнениях ни с той, ни с другой стороны. По мнению Грамши, «Маркс – творец *Weltanschauung*» (мировоззрения), он «является интеллектуальным родоначальником исторической эпохи, которая, вероятно, продлится века – до тех пор, пока не исчезнет политическое общество и установится общество упорядоченное. Только тогда его мировоззрение будет превзойдено (концепция необходимости, [превзойденная] концепцией свободы)» [2, с. 99-100]. Вслед за А. Лабриолой, Грамши утверждает, что «философия практики независима от любого другого философского течения, что она самодостаточна» [2, с. 105, ср.: с. 189, 190].

Основной вопрос философии, задающий направление философских исследований, Грамши решает так: «В философии практики бытие не может быть оторвано от мышления, человек от природы, деятельность от материи, субъект от объекта, и если мы их разъединим, то впадем в какую-нибудь из форм религии или в бессмысленную абстракцию» [2, с. 81]. Здесь итальянский мыслитель смешивает два разных вопроса: вопрос о примате (первичности) бытия по отношению к мышлению с вопросом о способе рассмотрения их связи. Ответ на первый вопрос задает понимание онтологической иерархии (что есть *основа*, а что – *обоснованное*) и, соответственно, направление исследований их взаимоотношений (от чего к чему следует двигаться). Что же касается способа рассмотрения их связей, то анализ мышления, человека, субъекта, деятельности, взятых в отрыве от бытия, природы, объекта, материи, то есть, как чего-то первичного и независимого от них, – на деле означает не что иное, как создание бессмысленных абстракций или впадение в какую-то форму религии.

Недостаточное знакомство с классическими марксистскими текстами и невозможность восполнить этот пробел в условиях тюрьмы частично объясняют убеждение А. Грамши в том, что Маркс, Энгельс и Ленин считали себя стоящими выше противоположности материализма и идеализма. И надо заметить, что Грамши осознавал необходимость изучения текстов классиков и намечал в своих «Тетрадах» план исследования формирования марксистской философии [2, с. 101-104].

Вместе с тем, было бы чрезмерным упрощением подходить с такой школьной меркой к пониманию и оценке «философии практики». Понимание и интерпретация марксизма у Грамши носили не абстрактно-академический характер, а были неразрывно связаны с практической политико-идеологической борьбой, которая проходила в новых исторических условиях и требовала поиска новых решений. Перед «философией практики», в понимании Грамши, стоят задачи, отличные от тех, которые решали создатели марксизма. В связи с формулированием этих задач Грамши вспоминает статью Р. Люксембург «Застой и прогресс в марксизме», впервые опубликованную в 1903 г. в «Vorwärts» [7].

В этой статье Р. Люксембург, обсуждая развитие марксизма после смерти его основателей, считает, что высказываемое мнение о теоретическом «застое» марксизма ошибочно. Напротив, теория Маркса не только не отстает от практики, но дает гораздо больше, чем непосредственно необходимо для практической классовой борьбы. В обоснование своего тезиса она выдвигает следующие положения. Марксизм – это теория освобождения рабочего класса, который, будучи классом неимущим, не располагает средствами, чтобы в рамках буржуазного общества создать собственную духовную культуру. В классовом обществе культура является творением правящего класса, следовательно, в буржуазном обществе она является культурой буржуазии.

Рабочий класс допускается к пользованию плодами буржуазной культуры лишь в той мере, в какой это необходимо для исполнения им функций в хозяйственном и социальном процессах буржуазного общества. На этапе борьбы за свое освобождение рабочий класс создает условия для разработки социальной науки, объясняющей законы общественного развития. Такой наукой является марксизм, образующий ядро будущей пролетарской духовной культуры, которую пролетариат создаст после своего освобождения. Эта культура впитает в себя достижения культуры буржуазного общества. Поэтому в рамках буржуазного общества пролетариат должен защищать «культуру буржуазии от вандализма буржуазной реакции» и создавать предпосылки для свободного развития культуры.

Р. Люксембург видит теоретическое развитие марксизма в перспективе чисто *пролетарской* революции: революционная теория обосновывает освободительную миссию пролетариата и выражает его стратегические интересы. А. Грамши исходит из того, что освобождение от мира классово-эксплуатации не может быть делом одного лишь пролетариата, оно должно быть делом *народной* революции. А потому контекст развития марксизма он видит иначе, чем Р. Люксембург. «Перед философией практики, - пишет Грамши, - стояли две задачи: выступить против современных идеологий в их наиболее утонченной форме, для того чтобы быть в состоянии образовать группу независимой интеллигенции, и воспитать народные массы, культура которых была средневековой» [2, с. 110]. В своей «утонченной форме» философия практики была мировоззрением интеллектуальных вождей пролетариата, но она была непонятной народу, а потому «из «дидактических» соображений новая философия вошла в сочетание, принявшее форму культуры, несколько более высокой, чем средняя народная культура (чрезвычайно низкая), но абсолютно непригодной для борьбы с идеологиями образованных классов...» [2, с. 110]. Грамши полагает, что материалистическая интерпретация философии марксизма – это его упрощенная версия, предназначенная для борьбы «против сохранившихся в народных массах пережитков докапиталистических времен, в особенности в области религии» [2, с. 110]. Материализм вносит в философию практики «детерминистский, фаталистический, механистический элемент», который для масс служит опорой веры в их неизбежно грядущие победы, но для интеллигенции, которая призвана их вести к победам, он «превращается в причину пассивности, причину идиотской самоудовлетворенности» [2, с. 37, 38].

«Философия практики» мыслится как мировоззрение интеллектуальных вождей пролетариата, которое служит воспитанию и руководству массами для установления в обществе не только политической, но и культурной гегемонии. «Философия практики», «вовлекающая в движение широкие массы», понимается Грамши как «современная народная реформа», в определенном отношении подобная Реформации [2, с. 255-256, 112]. Таким образом, свою философию Грамши рассматривает как инструмент практического преобразования исторической действительности, важнейшим элементом которого является просвещение и воспитание народных масс.

Критику К. Марксом предшествующей философии в «Тезисах о Фейербахе», Грамши интерпретирует по-своему. Прежняя философия (и материалистическая, и идеалистическая), полагает он, носила созерцательный характер. «Взаимно односторонние позиции материализма и идеализма, подвергнутые критике в первом тезисе о Фейербахе», до сих пор, считает Грамши, воспроизводятся, между тем как «необходим синтез на более высокой стадии развития философии практики» [2, с. 119-120]. Для преодоления созерцательности, отрыва теории от практики Грамши свою философию выстраивает как теорию исторического действия.

История, по мнению Грамши, не подчиняется метафизическому детерминизму и в ней не действуют «универсальные» законы причинности, на самом деле «в процессе исторического развития складываются относительно «постоянные» силы, действующие

с определенной закономерностью и автоматизмом» [2, с. 129]. Поскольку исторический процесс не может протекать без деятельности людей, то историческая необходимость в конкретно-историческом смысле есть тогда, «когда существует реальная и активная *предпосылка*, осознание которой людьми становится фактором действия, ставя конкретные цели перед коллективным сознанием и создавая комплекс убеждений и верований...» [2, с. 129]. Иначе говоря, историческая необходимость создает предпосылки деятельности людей.

Но Грамши не останавливается на этом. Он идет дальше: «В *предпосылке* должны заключаться уже развитые или развивающиеся условия, необходимые и достаточные для реализации импульса коллективной воли, но ясно, что от этой «материальной», количественно исчислимой предпосылки не может быть оторван известный культурный уровень, иначе говоря, какая-то совокупность интеллектуальных актов, а от них, в свою очередь – как их продукт и следствие, – известная совокупность захватывающих страстей и чувств, таких, которые могут вынудить к действию «любой ценой»» [2, с. 129-130]. Конечно, историческая необходимость легче прокладывает себе дорогу, когда она встречает правильное понимание у людей. Верно также, что «ничто великое не совершается без страсти», то есть, самого что ни на есть субъективного фактора. Но, похоже, что Грамши близок к формулированию обратной теоремы – «великие страсти залог великих свершений», которая далеко не бесспорна. Но мы сейчас не будем обсуждать этот вопрос. Можно утверждать, что для Грамши движущие силы истории представляются по формуле «сумма материальных предпосылок, относительно постоянных сил + воля, разум и страсти людей». При этом субъективный фактор (воля, разум, страсти) играет в истории не меньшую роль, чем фактор объективный.

В другом месте «Тюремных тетрадей» Грамши затрагивает эту проблему под несколько иным углом зрения. Возражая против утверждения Б. Кроче о том, что марксизм отрывает материальный базис общества от духовной надстройки, А. Грамши, вновь ссылаясь на «Тезисы о Фейербахе», пишет, что в них содержится мысль «о необходимом отношении активного воздействия человека на базис» и утверждается единство процесса развития действительности [2, с. 262; ср.: с. 222].

Исходя из этих посылок, «философия практики» понимается Грамши как имманентная исторической действительности, являющаяся не просто теорией интеллектуалов, а «массовой концепцией, массовой культурой», преобразующей мир деятельностью, и «эта практическая деятельность включает в себя также «познание», которое только в практической деятельности становится «реальным познанием», а не «схоластикой»» [2, с. 264]. «Философия практики» Грамши, признавая чрезвычайную важность субъективного фактора исторического развития, не сводит его только к воле и страсти, превращаясь в некую разновидность волюнтаризма. Революционно-практическое преобразование действительности должно включать в себя познание, которое, соединяясь с практической деятельностью масс, приобретает жизненно-конкретный характер.

«Философия практики», в понимании Грамши, является «абсолютным историцизмом»², признающим не только свою историческую обусловленность, но и исторически ограниченную верность собственных положений; она не признает абсолютных истин и исповедует принцип актуализма, согласно которому «настоящее

² «Абсолютным историцизмом» называл свою философию Б. Кроче [8, с. 9]. А. Грамши был хорошо знаком с работами Кроче со студенческих лет и внимательно штудировал их во время тюремного заключения, намереваясь написать «Анти-Кроче» – критику крочеевской ревизии марксизма. При этом некоторые понятия Кроче (напр., понятие «этико-политической истории») Грамши считал возможным включать в понятийный аппарат марксизма. Вопрос о связях философских взглядов Грамши с философией Кроче заслуживает отдельного исследования и не входит в наши задачи.

содержит в себе все прошлое, а из прошлого в настоящем реализуется то, что «существенно», а то, что не перешло в исторический процесс, было само по себе незначительно и представляло случайный «шлак» истории. [2, с. 123, 127, 134]. Такое понимание «спрямляет» ход истории, не учитывая наличие в ней «зигзагов», нереализованных возможностей, которыми на следующем витке исторической спирали можно воспользоваться. Но такая концепция требует действия «здесь и теперь», и не приемлет исторической пассивности и «идиотской самоудовлетворенности», обладая мобилизующей силой.

Одной из центральных проблем философии Грамши является проблема единства теории и практики. Он полагает, что эту проблему не могли обойти ни одно мировоззрение или философия. В связи с этим он вспоминает тезис Фомы Аквинского и схоластической философии «Ум созерцательный путем его распространения становится практическим», афоризм Лейбница о науке «Чем более созерцательна, тем более практична» и мысль Дж. Вико «*Verum ipsum factum*» (истинное есть действительное). При очевидном различии непосредственного значения каждого из этих тезисов в них с разных сторон поднимается вопрос о единстве мысли, знания и бытия, реальности. Но при этом нужно иметь в виду, что это – *единство многообразного*, единство разных путей и результатов объединения.

Грамши проблему объединения, или «отождествления» теории и практики рассматривает с двух сторон: «... как на основе определенной практики построить теорию, которая, совпадая и отождествляясь с решающими элементами самой практики, ускорила бы происходящий исторический процесс, сделала бы практику более однородной, последовательной, действенной во всех ее элементах, то есть максимально усилила бы ее, или, когда уже имеется какая-то теоретическая позиция, – как организовать практический элемент, необходимый для приведения ее в действие» [2, с. 64]. Здесь мы имеем дело с двумя путями и двумя результатами отождествления теории и практики. В первом случае это – тождество на *основе практики*, которую воспроизводит *теория*, это путь теоретического познания. Во втором случае это – тождество на *основе теории*, которая выступает инструментом организации *практики*, это путь практического действия. Эти два пути не разделены китайской стеной, они взаимно дополняют друг друга и взаимодействуют между собой, но зазор, различие между ними остается. При абсолютном тождестве теория и практика были бы неотличимы друг от друга, следовательно, действительное их тождество всегда относительно, это – тождество нетождественного, в котором они совпадают не полностью, и потому у нас должен быть объективный критерий их совпадения.

Похоже, что Грамши наталкивается на этот факт. Он пишет: «Отождествление теории и практики является критическим актом, в котором доказывается рациональность и необходимость практики или реалистичность и рациональность теории» [2, с. 64]. У практики и теории есть общий предикат или знаменатель – рациональность. Грамши этого не замечает и никак не комментирует. Между тем как рациональность указывает в данном случае на ту общую инстанцию, суду которой подлежат и теория и практика. Эта инстанция суть объективная истина, истина самого бытия, которой подчиняется и теоретическая, и практическая деятельность людей, она первична по отношению к ним, и независима от их воли. Понятно, что поскольку Грамши считает свою философию стоящей выше противоположности материализма и идеализма, он проходит мимо этого обстоятельства.

Точнее говоря, Грамши обращает внимание на рациональность только одной стороны отношений в системе «теория – практика». Рассматривая отношения «надстройка – базис» общества как аналогичные системе «теория – практика», он утверждает, что «только всеобъемлющая система идеологий рационально отражает противоречие базиса и наличие объективных условий для переворачивания практики»,

понимая под «переворачиванием практики» революционное преобразование общества [2, с. 65]. И отсюда он делает вывод, лежащий в основе его революционно-пропагандистской программы: «Если образуется социальная группа, однородная в идеологическом отношении на сто процентов, это означает, что существует сто процентов предпосылок для этого переворачивания, что «рациональное» стало подлинно действенным и актуальным» [2, с. 65]. Другими словами, идеи, овладев массами, становятся революционной силой преобразования общества.

Социально-экономическая революция, по Грамши, своей предпосылкой имеет революцию духовно-политическую. Но для того, чтобы такая предпосылка стала необходимой и достаточной для переворота, надо чтобы «в сознании людей» произошел переход, который Грамши именуется «катарсисом». Люди должны выйти из сферы своих узко эгоистических экономических и социальных интересов в общую «этико-политическую» сферу. При таком *перевороте в сознании*, базис «из внешней силы, которая давит человека» превращается «в орудие свободы, в средство создания новой этико-политической формы, в источник новой инициативы». Момент «катарсиса», как полагает Грамши, должен стать «отправным пунктом всей философии практики», открыть движение по пути «от необходимости к свободе» [2, с. 65].

Мысль Грамши все время обращается к духовной стороне развития общества. Проблему, которая тут скрыта, можно сформулировать по-разному: «идеи, овладев массами, становятся материальной силой, но нужно, чтобы идеи были истинными, и чтобы массы правильно поняли эти идеи, иначе эта сила может быть использована так, что станет давить на своем пути все без разбору» или «политическое и экономическое освобождение без освобождения духовного чревато возвратом к политическому и экономическому рабству». Можно спорить о том, что именно разворачивало в сторону этой проблемы ход мыслей Грамши (сталинизм в СССР или фашизм в Италии, а может – и то, и другое?), но бесспорно то, что эта проблема сохраняет свою актуальность.

«Философия практики» Грамши представляет попытку разработки теории, встроенной в сердцевину практического революционного действия, или, как он выражается, создания «имманентной» философии. «Философия практики» Грамши – это философия, которая духовное освобождение людей понимает как условие их экономического, социального и политического освобождения. Такое понимание сути и задач философии выдвигало перед Грамши необходимость разработки теории духовного производства, которая была бы способна раскрыть и обосновать возможность его преобразования из инструмента духовного подавления масс в средство их духовного освобождения. «Философия практики» Грамши как раз и становится такой теоретико-методологической предпосылкой, из которой вырастает его концепция духовного производства.

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена аналізу проблеми єдності теорії і практики, безпосередньо пов'язаної з ключовими дискусійними проблемами сучасної соціальної філософії: співвідношенням об'єктивного та суб'єктивного, стихійного і свідомого моментів в історії. Обґрунтовується, що «філософія практики» А. Грамши виступає теоретичною передумовою його концепції духовного виробництва.

Ключові слова: теорія, практика, «абсолютний історизм», суб'єктивне, об'єктивне, стихійне, свідоме, базис, надбудова.

SUMMARY

The article is devoted to analysis of the problem of integrity of theory and practice in Antonio Gramsci's work which is connected with key discussion topics of modern social philosophy: correlation of objective and subjective, spontaneous and conscious moments in

history. It gives grounds to A. Gramsci's 'Philosophy of Practice' being theoretical basis of his concept of spiritual production.

Key words: theory, practice, 'absolute historicism', subjective, objective, spontaneous, conscious, basis, superstructure/

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Грамши, А. Избранные сочинения в 3-х томах [Текст] / А. Грамши. — М. : Изд-во Иностранной литературы, 1957—
Том 1. Ордине Нуово (1919-1920).— 1957. — 512 с.
Том 2. Письма из тюрьмы. — 1957. — 310 с.
Том 3. Тюремные тетради. —1959. — 565 с.
2. Грамши, А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч.1. Пер. с ит. [Текст] / А. Грамши – М. : Политиздат, 1991. – 560 с.
3. Gramsci, A. Quaderni del carcere. Volume primo. Quaderni 1-5. – Torino: Giulio Einaudi editore, 1975; Antonio Gramsci Quaderni del carcere. Volume secondo. Quaderni 6-11. – Torino, Giulio Einaudi editore, 1975; Antonio Gramsci Quaderni del carcere. Volume terzo. Quaderni 12-29. – Torino, Giulio Einaudi editore, 1975; Antonio Gramsci Quaderni del carcere. Volume quarto. Apparato cratico. – Torino, Giulio Einaudi editore, 1975. – 3370 p.
4. Грецкий М.Н. Антонио Грамши [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.alternativy.ru/old/magazine/htm/95_3/5_1.htm. — Загл. с экрана.
5. Андерсон, П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма: Пер. с англ [Текст] / П. Андерсон. — М. : Интер-Версо, 1991. – 272 с.
6. Thomas, Peter D. The Gramscian Moment: philosophie, hegemony and Marxism[Текст] / Peter D. Thomas – Leiden – Boston, 2009. – XXIV, 477 p.
7. Люксембург, Р. Застой и прогресс в марксизме [Текст] / Р. Люксембург// Карл Маркс: революционер, мыслитель, человек. 1883 – 14 марта – 1923 / Сборник статей. – М. : Московский рабочий, 1923. – С.111-119.
8. Кроче, Б. Антология сочинений по философии [Текст] / Бенедетто Кроче – СПб. : «Пневма», 1999. – 480 с.

Надішла до редакції 16.05.2013 р.